

Интеллектуальное событие

От редакции

В этой рубрике мы будем печатать отрывки из свежих книг, которые выходят в полной тишине и трудноотличимы от общего библиографического потока. Но они содержат оригинальные идеи, реализация которых, на наш взгляд, будет способствовать изменению духовного ландшафта в стране и Ростове-на-Дону. Речь идёт о международных стандартах интеллектуального творчества и способах его представленности в публичном пространстве города и мира.

Февраль 2022 г. в России ознаменовался выходом капитального труда, посвящённого анализу шести поколений советских и российских философов [Философские поколения... 2022]. Публикуем три статьи, в которых содержатся общие и особенные предпосылки для рассмотрения творчества М.К. Петрова на фоне всероссийских и европейских фигур и трендов. Благодарим Ю.В. Синеоку за любезное согласие на эту публикацию.

В.П. Макаренко

ГОЛОСА ФИЛОСОФОВ¹

Ю.В. Синеокая
Институт философии РАН

Аннотация: *В статье анализируется поколенческий подход к исследованию становления философской традиции. Философское поколение – мощный интеллектуальный паттерн со своей оптикой, проблематикой и методами исследования. Автор различает шесть философских поколений, живущих и работающих сегодня в России. Специфика философского поколения определяется экзистенциальным вкладом в философию людей, близких друг другу по опыту ученичества и интеграции в официальные и неофициальные философские институции, общностью интеллектуального фундамента. В случае философского поколения речь идёт не просто о возрасте тех, кто «делает философию», а о появлении новой проблематики и нового отношения к самой философии, о производстве или освоении новых идей и смыслов, о новых трендах в обсуждении уже знакомых проблем и явлений, о новой социальной и культурной роли философии, о новом понимании мира и человека в целом, об изменении того, что называется «философским образом жизни». Изучение философских поколений важно для восстановления человеческого контекста развития философии. Путь познания от поколенческого типа к текстам не менее важен, чем привычный путь от текстов. Прочитывание истории философии как истории философских поколений фиксирует внимание исследователей на личных связях внутри философского сообщества (горизонтальных и*

¹ Впервые опубликовано в: Философские поколения... 2022: 13–26.

вертикальных), что прояснит как индивидуальный вклад мыслителей, так и взаимовлияния, определяющие рождение и развитие философских идей.

Ключевые слова: *история философии, философские поколения, русская философия, философия советского периода, Институт философии РАН.*

Поводом к размышлению о специфике философских поколений и их роли в становлении философской традиции стал 100-летний юбилей Института философии Российской академии наук, отмечаемый в 2021 году. Создание института положило начало институционализации философских исследований в России.

Со страниц книги звучат голоса всех философских поколений, представители которых работают сегодня в Институте философии, а также голоса университетских коллег, связанных с институтом общими проектами. «Философские поколения» – летопись московского философского сообщества, рассказанная участниками описываемых событий от первого лица, групповой автопортрет отечественных философов середины XX – начала XXI столетия.

Пройдут годы, нынешняя повседневность станет преданием, историки мысли каталогизируют написанное, сказанное и утаённое нами, вынесут прожитому нами свой приговор. Судить о нас они будут по праву живущих, ориентируясь на своё время, сравнивая нас с собой. Наша книга – документальное свидетельство, голос нас нынешних в диалоге с будущим, наше откровение о себе, образ нас таких, какими мы видим себя сами. Станет ли эта коллекция личных свидетельств подспорьем для тех, кто следует за нами, или же окажется ловушкой на их пути, я не знаю, но уверена, что для нас сегодняшних важно остановиться и взглянуть в себя, понять и определиться с собой и своим временем.

Говорить о своём философском поколении значит назвать тех, кого мы считаем своими учителями, и объяснить, чему они нас научили; дать себе отчёт в том, что именно мы способны передать нашим ученикам; определиться с тем, кого мы считаем своими единомышленниками, а кого – оппонентами; рассказать о коллегах, общение с которыми сформировало нас в человеческом и профессиональном измерениях, о тех, в беседах с кем рождались наши идеи и формировались концепции; отметить как тех, в содружестве с кем мы реализовывали свои замыслы, так и тех, в споре с кем рождались наши истины.

Авторов книги я просила определить свою принадлежность к одному из шести нынешних отечественных философских поколений, раскрыть своё профессиональное кредо, рассказав о себе в контексте своего философского поколения, попытаться определить свой поколенческий миф.

Теперь, когда книга собрана, мне стал ясен главный маркер смены поколенческих парадигм, вычитываемый в каждой статье, – это ответ на незаданный мною авторам вопрос: вместе или в одиночку профессиональные философы занимаются философией? Отношение к философской работе как исключительно персональному, субъектному делу, обязывающему к уникальному образу жизни в пространстве самодостаточного мышления, характерно для поколений, входивших в философию в 1950-е, 1970–1980-е и в 2000-е годы. Для большинства авторов из поколений 1960-х, 1990-х и 2010-х, напротив, философия – общее, коллективное дело.

Циклическая картина динамики поколений может вызвать ассоциацию с фатальностью смены времён года, однако важно подчеркнуть, что длина временных отрезков, на которых преобладает та или иная поколенческая парадигма, в случае философских поколений ощущимо различается, об автоматизме или «арифметической неизбежности» (Шлезингер) речь не

идёт. Никаких принятых в социологии ориентировочных временных рамок основных этапов прохождения поколенческого пути, кратных пятнадцати или двадцати годам, в случае философских поколений быть не может. Так, эпоха «семидесятников-восемьдесятников» растянулась почти на три десятилетия, а время «девяностодесятников» длилось максимум пять-шесть лет.

Термин «философское поколение» нов и пока ещё не легитимен (его нет ни в философской энциклопедии, ни в словарях по культурологии и антропологии). Ближе всего по замыслу к «философскому поколению» понятия «символическое поколение», «интеллектуальное поколение» и «культурное поколение», хотя все они служат для отражения иной реальности.

Изучение философских поколений важно для восстановления человеческого контекста развития философии. Вне этого контекста многое останется неясным. Путь познания от поколенческого типа к текстам не менее важен, чем привычный путь от текстов.

Поколенческий подход к исследованию профессионального (философского) сообщества России можно обозначить как соединение экзистенциально-феноменологического и антропосоциокультурного подходов.

Войдёт ли понятие «философское поколение» в научный обиход? Станет ли оно ключом к интерпретации истории философии? Ответ даст судьба этой книги. На мой взгляд, прочитывание истории философии как истории философских поколений поможет изменить привычную оптику, сфокусировать внимание исследователей на экзистенциальных, личных связях внутри профессионального сообщества (горизонтальных и вертикальных), что прояснит как индивидуальный вклад, так и влияния, определяющие рождение и развитие философских идей, а возможно, и обозначит новые вехи историко-философского маршрута.

В пользу реальной необходимости нового подхода свидетельствует востребованность изданий, подводящих к концепции «философских поколений». Прежде всего это недавно выпущенный том «Философия во множественном числе» [Философия во множественном числе... 2020], представляющий оригинальные учения ушедших из жизни мыслителей, чья судьба была связана с Институтом философии РАН. Другим примером служит популярный двухтомник «Поколения ВШЭ», в одном томе которого ученики этого университета рассказывают о своих учителях, а в другом – учителя о своих учителях [Юдкевич, Иванова и др. 2013]. Тут же уместно вспомнить и двухтомник под редакцией В.А. Лекторского «Философия не кончается... Из истории отечественной философии. XX век». В этом издании, давшем импульс к публикации известной серии из 22 томов «Философия России второй половины 20 века», представлены материалы двух типов: в одних речь идёт о социально-исторических реалиях, в которых жили философы, а в других излагается суть их творчества [Философия не кончается... 1998]. Важно назвать и сборник «Философское сознание: драматизм обновления», под редакцией Н.И. Лапина [Философское сознание... 1991], и серию близких по жанру публикаций материалов теоретико-дискуссионного клуба «Свободное слово» (1988–2008), руководителем которого был В.И. Толстых [Свободное слово... 1996; Свободное слово... 1997; Свободное слово... 2000; Свободное слово... 2001; Свободное слово... 2003а; Свободное слово... 2003б; Свободное слово... 2005а; Свободное слово... 2005б; Свободное слово... 2006; Свободное слово... 2007; Свободное слово... 2008]. В этих книгах философы говорят о себе сами. Поколенческому самосознанию философов посвящена и недавняя книга Михаила Маяцкого «Декорации/ Зависимости. Оммаж Жаку Деррида. Штрихи к автопортрету одного философского поколения», изданная в серии библиотеки журнала «Логос» [Маяцкий 2019], и давняя дискуссия «Шестидесятники – восьмидесятники» в журнале «Знание – сила» [Шестидесятники... 1993].

Принципиальная новизна «Философских поколений» в том, что каждое поколение осмысляет и объясняет себя само. Книга даёт представление о содержании философских

парадигм, складывавшихся в российской философии на протяжении последних ста лет. Большая часть текстов включает в себя автобиографический экскурс в историю профессионального становления авторов. Нередко об одном и том же философе рассказывается и как об ученике, и как об учителе. В нескольких эссе проводится параллель между проблемным полем отечественных и европейских поколений философов. Особый интерес, на мой взгляд, это издание представляет ещё и тем, что в нем собрана коллекция поколенческих мифов – экзистенциальных меток, формул «птичьего языка», событий-триггеров и концепций-ключей, определяющих каждое философское поколение изнутри.

Название пятой картезианской медитации Эдмунда Гуссерля «Раскрытие сферы трансцендентального бытия как монадологической intersубъективности» [Гуссерль 2001] звучит как формула концептуализации поколенческого мифа. Философское поколение – это духовная общность замкнутых на себя индивидуальностей-монад, которые, находясь в пространстве intersубъективности, создают единое трансцендентальное поле смыслов – свою поколенческую мифологию, отражающую не сосуществование обособленных физических единиц, а умопостигаемое сообщество, живущее в трансцендентальной сфере духа и культуры. Образ прошлого трансформируется в intersубъективный миф поколенческой группы, в памяти которой живёт один и тот же исходный объект и одна и та же интенция его осмысления.

К каждому из авторов нашего труда я обратилась с просьбой дать своё определение понятия «философское поколение», ответить на вопрос о том, насколько правомочен и продуктивен для историко-философского анализа поколенческий подход. Мнения разделились с существенным перевесом в пользу нового подхода (пропорция получилась примерно 1:7). В том обстоятельстве, что ни один из моих критиков не отказался от предложения написать свою поколенческую историю, я вижу добрый знак.

Самыми большими скептиками концепции «философских поколений» оказались представители семидесятников-восьмидесятников. Правда, даже они не отрицали особую идентичность поколения шестидесятников в советский период, а некоторые признавали, что и рубеж восьмидесятых-девяностых тоже был временем появления особого философского поколения «девяностодесятников».

Главный аргумент «против» концепции философских поколений состоит в том, что «поколение» – понятие социологическое и уже в силу этого не применимо к философии, понимаемой как исключительно персональное, субъектное дело, как особый образ жизни в пространстве самодостаточного мышления. Ведь философ – одиночка, стремящийся подчеркнуть свою индивидуальность, отличить себя от всех остальных (то же самое можно сказать о поколениях художников, музыкантов или спортсменов). Таким образом, делается вывод, что категория «поколение» не может стать работающим инструментом анализа. Она не применима к людям, чья профессия философия, так как они не представляют собой показательное социальное явление и дистанцируются от социально значимых событий, «уединяясь в скорлупе своей мысли».

Второе возражение заключается в том, что настоящее философское поколение – это лишь единицы, призванные и востребованные временем, что перезагрузки традиций, разграничивающие поколения, случаются слишком редко, что «молчащие поколения» не в счёт, что для формирования поколения необходимо ощущение призвания, миссии.

Третье сомнение вытекает из того обстоятельства, что социологические и биологические поколения формируются в борьбе «детей с отцами», а философское сообщество характеризуется преемственностью и взаимным почтением. Смена философских поколений не предполагает процесса преодоления новым поколением идей предыдущего. Для философских поколений неверна формула Алексиса де Токвиля: «каждое поколение – это новый на-

род». Напротив, сообщество людей, чья профессия – философия (как и научное сообщество в целом), нацелено на размывание границ между поколениями. Учёные с совершенно разным статусом смотрят друг на друга, в первую очередь, как на коллег, соратников по цеху.

Все эти возражения правомерны, если их предъявлять к тому понятию поколения, которое используется в повседневной жизни, с присущими ему классическими коннотациями. Но понятие «философское поколение» в той же мере не тождественно ни биологическому, ни генеалогическому, ни социально-психологическому пониманию поколения, как и пониманию поколения в архаическом библейском смысле. При его рассмотрении используется другая оптика. Классические метафоры «каравана» или «волн» для концепции философских поколений не работают. Однако отчасти применим классический социологический подход Мангейма (прежде всего понятия «социальная энтелехия» и «дух времени» (*Zeitgeist*)) и концепция Ортеги-и-Гассета, выстроенная на тезисе о том, что «современники» не являются «сверстниками». До определённой степени полезна и современная теория поколения (*generation theory*), использующая социологическую трактовку поколения, объединяющую неопределённое множество индивидов в зависимости от их возраста, специфической модели потребления и медиапредпочтений. В этом смысле говорят о поколениях «бумеров», «поколении X», «миллениалах» или «зумерах».

В случае философского поколения речь идёт не просто о возрасте тех, кто «делает философию», а о появлении новой проблематики и нового отношения к самой философии, о производстве или освоении новых идей и смыслов, о новых трендах в обсуждении уже знакомых проблем и явлений, о новой социальной и культурной роли философии, о новом понимании мира и человека в целом, об изменении того, что называется «философским образом жизни».

Другая важная особенность философских поколений связана с межпоколенческими отношениями. В философии межпоколенческая полемика не носит характера «агонального диалога». Наряду с общностью людей одного поколения существует сильная межпоколенческая связь: философские поколения не вытесняют друг друга с исторической сцены, а перекликаются друг с другом, постоянно поддерживая межпоколенческую дискуссию. Философские поколения живут вместе и взаимодействуют. Идеи ушедших поколений не исчезают, а приобретают новую актуальность.

Понимаю, что в словосочетании «философские поколения» не только понятие «поколения», но и слово «философские» может вызвать вопрос. Однако в этом случае ответ прост. В книге речь идёт о философах-профессионалах, тех, кто включён в академическую иерархию, овладел определённой суммой сведений, логикой, теорией аргументации и риторикой, использует специальную терминологию и методологию и следует принятым в научном сообществе этическим нормам и правилам цитирования.

Предчувствую, что меня могут упрекнуть в произвольном придании упорядоченного вида разнообразию, в том, что я, присвоив себе роль наблюдателя, своевольно фиксирую уникальность философских поколений, сортируя философов по поколенческим нишам. В свою защиту могу сказать, что не только полагаюсь на свою интуицию, но и ориентировалась на мнения авторов книги в отношении того, в каких философских поколениях они себя мыслят.

Очевидно, что философские поколения не существуют как однородные целостности, в каждом из них выделяется группа мыслителей, окрашивающая представление о поколении в целом – это философы, выразившие в слове своё время, объединённые общими экзистенциальными переживаниями, общим «запахом биографии» (М. Гуревич), а не историко-социально-политическими характеристиками. Это люди с типическим складом судеб, характеров, жанров книг, библиографий. Сложности схематизации поколенческой истории напомнили

мне старую шутку о том, что красоту нужно измерять в метрах – на большом расстоянии все кажутся восхитительными, а подходишь ближе – видишь изъяны, и прекрасных черт всё меньше. Сходным образом утратившие нюансы события далёких лет намного проще обобщать, выделяя наиболее существенные признаки: частные различия на расстоянии предстают незначительными, растворяясь в памяти до неразличимости. Давно минувшая жизнь кажется очищенной, проблемы – не погруженными в повседневность. Это позволяет лучше разглядеть многие вещи, важные и для нас сегодняшних. Становящаяся же на наших глазах реальность изобилует таким количеством бытовых подробностей и ярких отличительных черт, что сложно удержаться от желания учесть и обособить их все. Это обстоятельство ясно демонстрирует отличие поколенческого историко-философского подхода от подхода лингвистического, основанного на анализе отражения в языке коллективной памяти. Так, исследования, проводимые в НИУ ВШЭ, показали, что употребление прилагательного «далёкие» с названиями десятилетий, не даёт ожидаемого результата, в соответствии с которым чем дальше от нас эпоха, тем более далёкой она должна выступать в языке. Например, слово «далёкие» часто употребляется в отношении восьмидесятых и гораздо реже – в отношении тридцатых или сороковых годов. Получается, что «на практике тридцатые к нам “ближе”, чем восьмидесятые. Причина – в остроте переживаемых событий: террор и война до сих пор потрясают общественную память, а восьмидесятые просто “утонули” в девяностых» [«Воображение...» 2020: 15]. В «ландшафте коллективной памяти» (Зерубавель) встречаются свои «вершины» и «долины», иными словами, есть десятилетия, которые запомнились очень ярко, а есть и почти невидимые годы. Среди «долин» в российской истории – пятидесятые, семидесятые, восьмидесятые и нулевые годы.

Озадачивая коллег трудным вопросом, к какому философскому поколению из активно работающих сегодня в России они себя причисляют, я вручала составленный специально для каждого список вопросов / тем для размышления (количество которых варьировалось от 9 до 15) и свою пилотную исходную схему из шести позиций, указывая на ее уязвимость и подчёркивая, что это лишь гипотеза, мобильная конструкция, «модель для сборки». Любое структурирование предполагает сознательное упрощение реальности, вопрос в том, на чем именно делать акцент. Я оговаривала, что под пятидесятниками имею в виду поколение, севшее на студенческую скамью после войны, но учившееся философии в довоенной парадигме. Шестидесятничество представлено для меня теми, чьи университетские годы совпали с реформами Хрущева. Семидесятники-восьмидесятники – долгое поколение, начинавшее свой путь в философию с конца шестидесятых годов и вплоть до начала горбачевской перестройки. Поколением девяностых я называю лишь тех, кто учился философии на заре перестройки – со второй половины 1980-х по начало 1990-х годов. Поколение 2000-х для меня – те, кому сегодня сорок +, кто входил в профессию начиная со второй половины девяностых, а поколение 2010-х – это «внуки перестройки» – плюс-минус тридцатилетние. Но очевидно, что в разговоре о философских поколениях биологический возраст лишь метка, да, признаю, не самая удачная, оправдывает её лишь отсутствие сопутствующего ей ценностного ярлыка.

Можно назвать эти шесть поколений и иначе: позднесталинское, оттепели, застоя, гласности, рыночных реформ и протестное, формирующееся, становящееся на наших глазах... Или так: поколение догматической и адогматической марксистско-ленинской философии; поколение реформированного марксизма, Гегеля и Сартра; поколение Канта и Деррида; поколение Ницше, Фуко, Бердяева и Соловьева; поколение Хайдеггера, Витгенштейна и Ивана Ильина; поколение Делеза, Деннета, Мейясу и Хармана... А можно и так: поколение, говорившее догмами, поколение, говорившее на своём «птичьём языке», молчавшее поколение, поколение переводивших на русский язык, интерпретирующее поколение, поколение переводивших на английский... Вариаций можно придумать множество. При этом ясно, что, каж-

дый, кто предложит свою периодизацию или переименует имеющуюся, будет делать это из координат своего собственного поколения, в его оптике, фокусируя внимание на том, что близко ему и его философским единомышленникам.

Есть и другая трудность. Если уклад поколений, вступивших в философию в прошлом столетии, более-менее сложился, корпус написанных текстов репрезентативен, а жизнь идёт по накатанной колее, то правомерно ли говорить о поколенческом феномене тех, у кого всё ещё впереди? На мой взгляд – да, не только можно, но и пора! Становление философского поколения (говоря кантовским языком, его выход из состояния несовершеннолетия) происходит в студенческие и аспирантские годы и завершается к 25–30 годам. К этому возрасту поколенческий миф уже определён и программа сформирована. Дальше идёт её более или менее успешное разворачивание во времени, реализация. Нередко случается, что люди, по возрасту подходящие к одной поколенческой группе, чувствуют себя в ней чужаками, тяготеют к тем, кто старше или младше, что абсолютно естественно, ведь речь не идёт о сугубо возрастных или социальных ориентирах. Те, у кого за плечами больше полувека, сегодня пишут апологию своего поколения, молодые – программу на будущее.

Динамика философских поколений видна в том, что статьи пятидесятников и шестидесятников носят мемуарно-аналитический характер; в текстах и семидесятников-восьмидесятников, и философов поколения двухтысячных сильны как аналитические, так и автобиографические мотивы; эссе девяностодесятников отличает публицистичность и критичность, а поколение 2010-х представило ряд манифестов – свои программы становления. Надеюсь, что, лет через двадцать те, кому сейчас чуть за сорок или около тридцати, с трепетом и пользой для себя будут перечитывать свои первые опыты поколенческого самоопределения.

В «Философских поколениях» семь глав. Начинается сборник с раздела, посвящённого философам 1920-х и 1930–1940-х годов. На первый взгляд может показаться, что этот раздел не просто отличается от остальных, но даже противоречит замыслу книги, поскольку его автор принадлежит поколению девяностых. Но на деле исключением эта глава не является. Роль транслятора голосов философов 1920-х годов и военного философского поколения, чей удел молчание, взял на себя блестящий знаток советского периода отечественной философии – С.Н. Корсаков, деликатно предоставивший возможность высказаться философам тех лет, сведя свой нарратив к необходимому минимуму. С.Н. Корсакову удалось скрупулёзно по крупицам архивных документов, записям из личных дел, материалам следствия, наградным листам, уцелевшим текстам, письмам, запискам и мемуарам воссоздать, с глубоким уважением и любовью к своим героям, их голоса, вдохнуть жизнь в тех, кто ушёл навсегда. Монтаж личных свидетельств о самосознании философов довоенного и военного поколений даёт уникальное знание о том, над чем отечественные философы работали, как выживали и погибали в сталинских лагерях, какими они пошли на фронт и какими вернулись с войны, какое воздействие поколенческий тип философов тех лет оказал на жизнь страны и философского сообщества. Приведу слова С.Н. Корсакова: «После того, как ты пройдёшь с каждым его круги ада, перед тобой встаёт человек, а не абстракция. И вместе с тем вырисовываются типические человеческие черты этой генерации философов и становится понятной её место в эволюции идей».

Во второй главе представлено старшее из ныне здравствующих философских поколений – пятидесятники, люди, пережившие и помнящие войну. Это поколение пришло в философию в тёмные времена, когда после сталинских чисток философское сообщество лежало в руинах, их молодые силы были отданы догматическому марксизму и ленинизму, но они сохранили живой критический интерес к философии и смогли профессионально реализовать себя в зрелые годы. Это те, на чьих глазах и с чьим участием сформировались все нынешние философские поколения.

В конце пятидесятых в тоталитарную культуру, изолировавшую человека в замкнутом на себя измерении и формировавшую особые условия личностного и социального поведения и мышления, стали проникать инородные ей элементы, разрушавшие ее монолитность. Началась смена культурной парадигмы: реставрировались социально значимые личностные связи человека в культуре и истории, формировался новый тип пребывания человека в культуре.

Собственный поколенческий миф пятидесятников не был и не мог быть сформулирован. Живая философская мысль тех лет была возможна лишь как изнанка идеологического официоза. Это поколение мыслит себя как раннее шестидесятничество. Авторы этой главы: Д.И. Дубровский, Н.И. Лапин, Г.Л. Белкина, А.Д. Сухов.

Третья глава посвящена шестидесятикам – романтическому, открытому миру поколению, характерными чертами которого стали корпоративность и солидарность. Философы-шестидесятники рано самоопределились и уверенно чувствовали себя в своём кругу, они были соединены своим «птичьим языком», своими мифами (например, миф Арбата). Западная культура во многом была их культурой. Их философию определяет возможность коммуникации, они ощущали себя звеном в мировой культурной традиции. Им было что сказать миру в равном диалоге, поэтому для них необходимо было поднять «железный занавес». Изоляционизм мешал шестидесятикам, угнетал их. Это универсалистское, вселенское поколение, искренне верившее в прогресс, отсюда и популярность в шестидесятые годы гегелевской философии. Это поколение видело свою миссию в том, чтобы очистить ленинизм от сталинизма, а коммунизм от тоталитаризма. Оно возродило исследования философии Нового времени, феноменологии, экзистенциализма. С ними связан подъём в изучении восточных философий, развитие логических исследований и методологии науки. Это первое послевоенное философское поколение, добившееся международного профессионального признания. Интеллектуальным центром шестидесятников является журнал «Вопросы философии» (гл. ред.: И.Т. Фролов, В.А. Лекторский, Б.И. Пружинин).

Миф поколения шестидесятников, основного советского поколения, проработан в деталях. Сами шестидесятники позиционируют себя и получили всеобщее признание как философское поколение *par excellence*. Авторы главы Предисловие о шестидесятиках: А.А. Гусейнов, В.А. Лекторский, Э.Ю. Соловьев, Н.В. Мотрошилова, М.Т. Степанянц, С.С. Неретина, В.М. Розин, Н.И. Кузнецова, Б.И. Пружинин. В числе авторов нет В.М. Межуева, но для меня он участник этого проекта. Незадолго до его ухода мы обсуждали его будущую поколенческую статью, которая, увы, так и не была написана.

Четвёртый раздел этого тома посвящён поколению семидесятников-восьмидесятников, поколению одиночек, каждый представитель которого автономен и самодостаточен. Философы этого поколения в молодые годы не тяготели к формированию монолитного профессионального содружества, каждый возделывал своё направление единолично, не ощущая своей причастности к поколению. Они не любят, когда их называют «семидесятниками-восьмидесятниками» или сравнивают как поколение с поколением шестидесятников. Они не подвержены иллюзиям, прагматичны и оппозиционны поколению «оттепели», которое долго не принимало в расчёт и не впускало в свой круг это поколение, идущее следом. В молодые годы семидесятники-восьмидесятники ощущали себя периферией того профессионального сообщества, в центре которого расположились шестидесятники.

Именно они начали переоценку ценностей шестидесятников. Войдя в профессию в удушливой атмосфере брежневского застоя, они, как правило, искали духовную опору в абсолюте за пределами истории и времени. Карьерное продвижение семидесятников было трудным и медленным, время, на которое выпал их расцвет, за редким исключением, прошло мимо них. Это поколение работавших в стол. Не имея возможности самореализации, семидесятники рано уходили из профессии, а иногда и из жизни. В то же время восьмидесятники

были первым из советских поколений, получившим открытую возможность стажироваться и работать за рубежом. Семидесятники-восьмидесятники не создали своего поколениеобразующего журнала. Уже достигнув акме, многие представители этого поколения основали свои философские школы и свои журналы (например, «Философский журнал» (А.В. Смирнов), «Эпистемология и философия науки» (И.Т. Касавин), «История философии» (И.И. Блауберг), «Синий диван» (Е.В. Петровская), «Логические исследования» (В.И. Шалак), «Философия религии: аналитические исследования» (В.К. Шохин) и др.).

Если вектор движения шестидесятников был направлен центробежно, то для представителей поколения семидесятых-восьмидесятых характерно центростремительное движение. Если шестидесятники тяготели к масштабным проектам, то семидесятники-восьмидесятники ценили глубину погружения в выбранную тематику, внимание к деталям. Представителям этого поколения принципиально чужда идея выстраивания своего поколенческого мифа. Авторы этой главы: А.Л. Доброхотов, В.Г. Лысенко, В.К. Шохин, Г.В. Сорина, С.А. Никольский, И.И. Блауберг, О.П. Зубец, М.Ф. Быкова, А.А. Кара-Мурза, А.А. Костикова. В этом поколенческом томе планировали принять участие ещё два ярких ориентира поколения семидесятников-восьмидесятников – В.А. Подорога и В.В. Миронов, я ждала их тексты, которые так и не были дописаны, в моем компьютере хранятся их письма, их планы...

Пятая глава книги посвящена поколению девяностых – ученикам и наследникам шестидесятников, чья юность выпала на годы второй «оттепели» – горбачевской, давшей импульс к взрыву увлечения гуманитарными науками. Вхождение в философию этого поколения происходило на небольшом отрезке истории, получившем название «перестройка», в атмосфере свободы и открытого общения. Появлялись новые книги, открывались архивы, утверждалось чувство личной включенности в историю. Возрождалась традиция эпохи Серебряного века – открытые дебаты людей разных поколений, разных профессий и убеждений, сходящихся в стремлении к живому диалогу и взаимопониманию. Переживание личной вовлеченности в культурную традицию во многом обусловило религиозный ренессанс в России 1990-х. В эти годы сложилось новое поколение идеалистов, искренне живущих книжной жизнью, которому повезло войти в профессию в ранний, наиболее светлый период гласности, открывающий не существовавшие прежде социальные связи и возможности, когда казалось, что история в России делает новый виток, определяющий особую избранную роль поколению девяностых. Получив импульс свободы, это поколение пронесло его через всю жизнь.

Подобно шестидесятникам, девяностодесятники – романтики, не чуждые прагматизма, тяготеющие к корпоративности и внутр поколенческой замкнутости, но ориентированные на коммуникацию и сотрудничество с миром, открытые всему новому. Если семидесятники-восьмидесятники – антисоветское поколение, то девяностодесятники – несоветское. Они не советские и не антисоветские, они просто изъяты из этой альтернативы.

В молодые годы это поколение, угодив в информационный поток зарубежной философской литературы и материалов спецхранов, осознало необходимость держаться вместе, выбирая профессиональную колею и ориентиры. Текущие политические вопросы занимали девяностодесятников куда меньше, чем профессионализация, понимаемая как наработка личного опыта исследовательской и методологической дисциплины. Центром притяжения этого философского поколения стал журнал «Логос» (гл. ред. В.В. Анашвили). Как и шестидесятники, поколение девяностых озабочено последовательным выстраиванием своей мифологии. Авторы этой главы: В.В. Васильев, В.В. Ванчугов, Ю.В. Синеокая, Б.В. Межуев, А.П. Козырев, В.В. Анашвили, И.М. Чубаров, О. Никифоров, И.А. Михайлов.

Шестая глава посвящена поколению двухтысячников – ученикам семидесятников-восьмидесятников, во многом перенявших у своих учителей парадигму обустройства в профессии. Это поколение одиночек и малых групп единомышленников, пережившее на взлёте кру-

шение иллюзий. Новый гуманитарный бум не состоялся – его сменил бум коммерческий. Поколение двухтысячных входило в философию в пору утраты надежд на осмысленность исторического пути России после падения репрессивного режима. Это поколение приняло логику событий, подчинилось объективному ходу вещей. Многие представители этого поколения остались в философии, посвятив свою жизнь умножению знания, забыв о мудрости, то есть об экзистенциальном осмыслении этого знания. Они тяготеют к столь нюансированному описанию объекта исследования, что порой он полностью теряет прозрачность для тех, кто не в теме исследования. Другие, напротив, отказались от суетного знания, ставшего мёртвой преградой между ними и их жизнью. Это поколение новой, катакомбной философии, избегающее мифотворчества. По этому поколению проходит линия раскола на сторонников аналитической и континентальной традиций философствования. Этому поколению принципиально чужда идея журнала как поколенческого корпоративного центра. Двухтысячники – единство непохожих, их отличает нацеленность на индивидуальный профессиональный рост и отсутствие склонности к поколенческой рефлексии. Авторы этой главы: А.Г. Жаворонков, А.В. Михайловский, А.В. Павлов, А.Ю. Антоновский, Д.В. Иванов, А.П. Беседин, П.С. Куслий, Е.О. Труфанова, А.В. Прокофьев, О.А. Жукова, О.В. Попова, С.В. Пирожкова, Д.Э. Гаспарян.

Седьмая глава посвящена философскому поколению первой декады XXI столетия, унаследовавшему от девяностодесятиков интуицию тождества культуры и жизни, традиции и свободы, европейской истории и российской конкретности. Признак этого поколения – открытость к взаимодействию. Это яркое сплочённое поколение, одинаково уютно чувствующее себя в российском философском пространстве и за его пределами. Поколение, получившее блестящее образование, свободное, профессиональное, работающее в удовольствие и ориентированное на успех. Выразителем духа этого поколения, тяготеющего к разным формам совместной работы и считающего философию коллективным делом, может служить журнал «Финиковый компот». Мифология этого поколения складывается на наших глазах. Авторы главы: Е.В. Логинов, А.В. Мерцалов, А.Т. Юнусов, Н.Б. Афанасов, Б.В. Подорога, Н.Д. Сафронова, Д.О. Аронсон, А.В. Ложкина, С.Ю. Рыков, О.С. Кочеров, Н.В. Руденко, И.Н. Белоногов, Е.С. Марчукова, А.М. Винкельман.

Том «Философские поколения» был задуман как опыт поколенческой самоидентификации философов, своего рода автопортрет на панорамном фоне истории советской и постсоветской философии, поэтому тексты, его составившие, написаны в разных жанрах (от строгого академического трактата до вольного эссе). Выбор формы изложения каждый автор определял для себя сам: стиль автора – важная деталь его образа и индикатор поколения.

В «Философских поколениях» звучат голоса учёных, мнение которых ценят коллеги и современники: это те, кто создаёт атмосферу, в которой возможно творчество, и обладает даром вдохновлять собеседника, те, кому дано видеть в повседневности Историю. Среди авторов есть и звезды первой величины в академической иерархии, и талантливые молодые люди, которых ждёт блестящее будущее.

Книга иллюстрирована фотопортретами авторов текстов, сделанными в их молодые годы – годы вхождения в профессию, осознания своей причастности к философскому сообществу, формирования своей поколенческой идентификации.

«Воображение...» 2020. «Воображение заблокировано в наивной хронологии». Почему к 90-м привязался эпитет «лихие»? Беседа О. Филиной с А. Бонч-Осмоловской. – *Огонёк*. – № 24 от 22.06.2020.

- Гуссерль Э. 2001. *Собр. соч.* Т. IV. – М.: Дом интеллектуальной книги.
- Маяцкий М. 2019. *Декорации / Зависимости. Оммаж Жаку Деррида. Штрихи к автопортрету одного философского поколения.* – М.: Изд-во Института Гайдара.
- Свободное слово... 1996. *Свободное слово. Интеллектуальная хроника десятилетия: 1985/1995* / Сост. и отв. ред. В.И. Толстых. – М.: Школа культурной политики.
- Свободное слово... 1997. *Свободное слово. Интеллектуальная хроника: 1995/1997* / Сост. и отв. ред. В.И. Толстых. – М.: Школа культурной политики.
- Свободное слово... 2000. *Свободное слово. Интеллектуальная хроника: 1998/1999.* Альманах 1999 / Сост. и отв. ред. В.И. Толстых. – М.: ИФ РАН.
- Свободное слово... 2001. *Свободное слово. Интеллектуальная хроника: 1999/2000.* Альманах 2000 / Сост. и отв. ред. В.И. Толстых. – М.: ИФ РАН.
- Свободное слово... 2003а. *Свободное слово. Интеллектуальная хроника. Альманах 2001* / Сост. и отв. ред. В.И. Толстых. – М.: Прогресс-Традиция.
- Свободное слово... 2003б. *Свободное слово. Интеллектуальная хроника событий. Альманах 2002* / Сост. и отв. ред. В.И. Толстых. – М.: Прогресс-Традиция.
- Свободное слово... 2005а. *Свободное слово. Интеллектуальная хроника событий. Альманах 2003* / Сост. и отв. ред. В.И. Толстых. – М.: Прогресс-Традиция.
- Свободное слово... 2005б. *Свободное слово. Интеллектуальная хроника. Альманах 2004/2005* / Сост. и отв. ред. В.И. Толстых. – М.: Русский путь.
- Свободное слово... 2006. *Свободное слово. Интеллектуальная хроника. Альманах 2005/2006* / Сост. и отв. ред. В.И. Толстых. – М.: Русский путь.
- Свободное слово... 2007. *Свободное слово: Интеллектуальная хроника. Альманах 2006/2007* / Сост. и отв. ред. В.И. Толстых. – М.: Русский путь.
- Свободное слово... 2008. *Свободное слово. Интеллектуальная хроника. Альманах 2007/2008* / Сост. и отв. ред. В.И. Толстых. – М.: ИФ РАН.
- Философия во множественном числе... 2020. *Философия во множественном числе* / Сост. и отв. ред. А.В. Смирнов, Ю.В. Синеокая. – М.: Академический проект.
- Философия не кончается... 1998. *Философия не кончается... Из истории отечественной философии. XX век: в 2 кн.* / Под ред. В.А. Лекторского. Кн. I: 20–50-е годы; Кн. II: 60–80-е годы. – М.: РОССПЭН.
- Философские поколения... 2022. *Философские поколения* / Автор идеи, сост. и отв. ред. Ю.В. Синеокая. – М.: Издательский Дом ЯСК. – 1232 с., ил.
- Философское сознание... 1991. *Философское сознание: драматизм обновления* / Под ред. Н.И. Лапина. – М.: Политиздат.
- Шестидесятники... 1993. *Шестидесятники – восьмидесятники: материалы круглого стола. – Знание – сила. – № 4. – С. 132–143.*
- Юдкевич М.М., Иванова Ю.В. и др. 2013. *Поколения ВШЭ. Учителя об учителях.* – М.: Издательский дом ВШЭ.